

МАРИНА СТРУКОВА

ПЕВЕЦ РУССКОЙ УДАЛИ

Один из самых даровитых писателей современности Вячеслав Дёгтев – лауреат премии имени Андрея Платонова, премии “России верные сыны”, финалист конкурса “Бестселлер-2003” родился 10 августа 1959 года, а умер 16 апреля 2005 года, на сорок шестом году жизни, стяжав славу “русского Джека Лондона” за истинно мужскую, мужественную прозу, утверждающую ценности героической защиты своих идеалов, духовной чистоты и любви к Родине.

Человек гордый и эмоциональный, он всегда чему-то противостоит, отстаивая справедливость, болея душой за судьбу страны. Предки Дёгтева были казаками, и страстная воинственность воинской касты оказалась претворена в непримиримость писателя и гражданина.

В моём восприятии произведений Дёгтева главную роль играют даже не его убеждения, но тот энергетический накал, те тонкие эмоциональные впечатления, в которых заключена духовная эстетика произведений и которые нацелены на раскрытие психологии того, что можно назвать русскостью, – почти сакральное содержание национального характера.

Вот один из лучших рассказов – “Гладиатор”, где параллельно развиваются два сюжета, вроде бы не связанные друг с другом обстоятельствами и персонажами, но дополняющие друг друга в духовном плане. Он рассказывает о схватке здорового природного начала и духа прогнившей цивилизации на арене гладиаторского цирка в одном сюжете и на площадке собачьих боев в подмосковном пригороде – в другом. Что сильнее – природа, во всей ее простоте и силе вековых инстинктов и рефлексов, или цивилизация, живущая по своим надуманным правилам, вскормленная трупами убитых ею естественных законов бытия. Первый сюжет восходит к тем временам, когда Русь еще была великой Скифией, а молодой гладиатор-славянин бьется на арене римского цирка, где победа – свобода для него и его любимой, а поражение – гибель. Второй сюжет “Гладиатора” повествует о том, как на собачьи бои русский парень приводит волка – с целью доказать то, насколько природа и душа вольного зверя превосходит выдрессированных, выхолощенных псов, чьи предки завезены из-за границы.

“Это была твоя затея – стравить природу и... и “школу”? “цивилизацию”? – нет, скорее, антиприроду. Это ты нашел земляка, охотника-казака с Хопра. Это по твоей просьбе он отловил волка-пятилетка и привез сюда, в загнивающую Москву, на собачьи бои. В город, давно уже не являющийся обиталищем человека”. И вспоминается то, каким предстает образ волка в поэзии и фольклоре. Начиная от “тамбовского волка”, который “выходит на дорогу” в стихах классика, но который всегда, по словам поговорки, “в лес глядит”. От популярной песни “Охота на волков” до былинного богатыря Воль-

ги, который волком мог оборачиваться. Из этого калейдоскопа метафор и сравнений мы можем сделать вывод, что волк всегда был символом воли, а собака — несвободы, добровольного рабства.

“Я подпускаю его совсем близко и резко останавливаюсь — он налетает на меня. Гремят щиты. Я бью его. Бью не по тем правилам, которым учил ланиста, а так бью, как впитал с молоком матери, — я бью кривым мечом акинаком, как серпом, сбоку и снизу. Против таких “варварских” ударов нет у римлян защиты. Тем хуже для них... Он рубит сверху — классически. Рубит и рубит, но я отражаю все удары, — лишь искры летят в песок...” Блистательный “Гладиатор” — гимн всему тому, что заложено в нас с рождения с кровью предков; тому, что восстает против пут и подлых законов “цивилизованного общества”. Это гимн голосу крови. В “Гладиаторе” та же мысль, что и в строке современного поэта Сергея Яшина: “Кровь восстала против золота”.

Воплощение того “национального бессознательного”, которое превышает сознательного подчинения пошлым нормам и унижительным законам современного мира. “Необязательность обязательного” из рассказа “Адат”, когда необязательно быть верным традициям нации, но обязательно. “— Но это же дикость!” — восклицает герой и слышит в ответ: “Это древний обычай”. И хочется продолжить, что необязательно быть честным, но обязательно. Необязательно быть смелым, но обязательно. В героях Дёгтева живёт настрой своеобразный, известный нам по богатырским былинам, которого в современной жизни мы почти не наблюдаем, а, вдруг заметив, отстраняемся — уж слишком непривычно и дико сейчас все сильное, безоговорочное, героическое. Одно из качеств его героев — русская удаль. За этим понятием — чувство неизъяснимое, вопреки здравому смыслу возникающее, сокрушающее на своем пути все узаконенные страхи и слабости. Может, и проку от этой удалы ее носителю нет, но, видно, нужна она человечеству и вызывает вопреки всему восхищение, встряхивает, заставляет взглянуть на мир по-иному. Мы разучились надеяться на авось, очертя голову бросаться в бой и перестали быть в полной мере русскими. Нация никогда не стоит на месте. Или ты наступаешь, или отступаешь и деградируешь. “Отечество — это не территория, Отечество — это сумма подвигов”. И верно, мы сами растеряли, рассеяли свою Империю, во имя которой ничего не совершили. Каждая нация стоит лишь того, что она способна завоевать и сохранить. Автор открыто утверждает это. Своим творчеством он бросает вызов читателям: а способны ли вы изменить реальность? Герои Дёгтева не всегда справляются с задачей, порою сами расплачиваются за свою удаль, как в рассказе “Кинжал”, но врагов не щадят.

“Да, это так. Это не может быть иначе. Ведь всё, что чего-нибудь стоит, возникает в этом мире исключительно через борьбу. И на каждый вызов есть ответ”.

И величие этого порой инстинктивного — голос крови — протеста преобразует людей, озаряет их изнутри. И сквозь ничтожество сегодняшней жизни, как горящий уголь сквозь золу, проглядывает то, какими были мы и какими можем стать, только бы буря грянула. Это творчество не посредник между рабством и свободой, а ещё большее их противопоставление. Они стравлены, как волк и пёс на собачьих боях.

Толпе, чтобы она стала народом, надо дать достойную цель и показать истинного врага. И Дёгтев показывает этого врага — забвение славы предков и долга перед Родиной.

Христианское сознание автора возмущается картинами смерти и разрухи. А язычество, бунтующее в крови, восхищается отвагой и калейдоскопом экстремальных состояний человеческого характера и окружающего мира. Но для всякой борьбы и утверждения себя в жизни нужны силы, и источник их — в единстве природы человека и природы Отечества, вековой взаимной гармонии и равновесии борющихся, но вечных сил Тьмы и Света, из которых соткан мир и любая душа. И сама ценность Света состоит в том, что он способен вечно повергать Тьму, жаждет бороться с ней и борется. Дёгтев пишет: “Настоящая литература никогда не бывает вторична. Это всегда попытка пахать целину или хотя бы поперек борозд. Это всегда воспевание Бога и солнца. Это ясные краски, чистая палитра, горный свет... Потому будущее — за нашим позитивным реализмом, реализмом с активной жизненной позицией, где открытый и смелый взгляд на язвы нашей жизни, но где и “искры божественного света”. Мы идем навстречу солнцу, навстречу свету. С открытым забралом!”

Он взял эпиграфом для одного из рассказов строку Иннокентия Анненского: “Я люблю всё то, чему в мире ни созвучья, ни отзвука нет”. Мне подумалось: цитируя эти строки, автор имел в виду идеальное и совершенное бытие, к которому настоящий человек вечно стремится, но не может достичь и с надеждой устремляет взор в небеса. Наверное, многое в произведениях Дёгтева ускользает от нас — настолько утонченны эти нюансы человеческих эмоций и раздумий, но всё выразимое и невыразимое сливается в одно понятие “русская душа”.

Деревенское детство, как рай, воплощенный на земле, но утерянный в смятенном мире, волнует и оживляет душу автора. Тонкий лиризм картин природы, ласковый говор близких, свежий ветер полей, скромное обаяние летних лугов, таинственный шепот деревьев. Воспоминания о потерянном рае никогда не дадут смириться с низменной жестокой реальностью. “Я рассказывал, захмелев от воспоминаний, о родной своей Юневке, как красиво — белые домики с разноцветными крышами по рыжему крутосклону над Доном — раскинулась она, какие загадочные, розово-лиловые зори цветут над озером Варварка, когда сидишь, замерев перед поплавком; какие красивые, прямо багрово-коралловые, становятся по осени вишневые сады...” И после этих воспоминаний, как страшное открытие, — кадры документальной съемки, где друг Султан переворачивает ногой убитого на междоусобной войне человека. Диалог одухотворенного сознания с природой отчизны прерывают явления обыденные, сиюминутные, подчас жестокие, несущие разрушение души и тела. Быт против бытия. Вспоминается Лермонтов, стоящий над замутненным кровью потоком Валерика:

*Я думал: Жалкий человек,
чего он хочет? Небо ясно,
под небом места много всем,
но непрестанно и напрасно
один враждует он. Зачем?*

Наверное, и у каждого в душе нет-нет да и дрогнет струна ностальгии о братстве всех народов в огромной державе. С какого мгновения эта гармония начала рушиться? Неужто она была искусственной и основанной на строгих законах и силе армии? Но жаль порой наш сон золотой...

Некогда Александр Невский говорил, что Восток хочет забрать наше тело, а Запад душу. Подлинный патриотизм — удел не всех скопом людей, это судьба тех, кто чувствует невозможность жить иначе — не умеет и не желает. Идея приговоренности даровитого автора к правде, настоящего воина к подвигу, подлинного искусства к непродажности, когда можно было бы прожить и проще, безопаснее и полагаясь на власть, но, как в песне поётся: “...и поверить хочу, а душа не велит!” И кто-то вновь утверждает древние обычаи и опасную правду веков среди неустойчивого, неясного мира. Таков персонаж почти документального дёгтевского рассказа “Четыре жизни” — русский, поехавший воевать за сербов, не сдавшийся превосходящему противнику. После смерти мусульмане разрубили его на четыре части и на каждую выменяли из плена своих соратников. А русского воина позже канонизировала Русская зарубежная церковь...

Вспоминаются слова Игоря Талькова: “На колени меня может поставить только любовь”. Герои Дёгтева готовы смириться только в любви — к Родине, Богу, ближним. Тут они уязвимы и самоотречённые. Но непреклонны перед лицом врага и, даже поставленные к стенке, с презрением смотрят на палачей. И печальной гордостью исполнена речь русского писателя и гражданина Вячеслава Дёгтева: “...моя жизнь — сплошное недоразумение, цепь ошибок, которые я не исправляю. А наоборот, лишь продолжаю множить. Но жить иначе, “умно”, я не могу. И главное — не хочу!” Очарование иррационального мышления его героев чисто национальное, это наш русский “авось”, “или грудь в крестах, или голова в кустах” и “вперёд очертя голову”. Так побеждаем!